

Ken Wain

Léon
WALRAS

Les éléments
d'économie
politique
pure
ou
Théorie
de la richesse
sociale

ECONOMICA
49, rue Héricart, 75015 Paris

Леон ВАЛЬРАС

Элементы
чистой
политической
экономии
или
Теория
общественного
богатства

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЭКОНОМИКА
МОСКВА — 2000

ББК 88.4
УДК 159.9
Валь 16

Издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество»
(Фонд Сороса) в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society Institute
within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н.С. Автономова, Т.А. Алексеева, М.Л. Андреев, В.И. Бахмин,
М.А. Веденяпина, Е.Ю. Гениева, Ю.А. Кимелев, А.Я. Ливергант,
Б.Г. Капустин, Ф. Пинтер, А.В. Полетаев, И.М. Савельева,
Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva, Yuri Kimelev,
Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances Pinter, Andrei Poletayev,
Irina Savelieva, Lorina Repina, Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

---

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide
à la publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des
Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie

Вальрас Л.

Валь 16 Элементы чистой политической экономии. — М.: Изограф,
2000. — 448 с.

ISBN 5-87113-102-6

ISBN 5-87113-102-6

© Перевод на русский язык —

И. Егоров, А. Белянин, 2000

© Предисловие — Н. Макашева, 2000

© Оригинал-макет и оформление —

П. Ефремов, 2000

Предисловие к русскому изданию

Одна из наиболее значительных работ в области чистой экономической теории, которая не просто заложила основы целого направления анализа — теории общего экономического равновесия, но во многом определила архитектуру всего здания современной теоретической экономической науки, наконец, предложена российскому читателю. Появившиеся в 1874–1877 гг. «Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства» Леона Вальраса, по словам известного современного исследователя, — библия современной неоклассической экономической теории¹, вместе с опубликованными в 1871 г. «Теорией политической экономии» У.С. Джевонса и «Принципами политической экономии» К. Менгера составляет ядро маржиналистской революции. В ходе этой революции классическая политическая экономия перестала быть господствующей системой экономического знания и уступила лидирующие позиции новой исследовательской программе, представляющей экономику в виде совокупности экономических субъектов, поведение которых описывается концепцией предельной полезности. До сих пор историки и методологи спорят относительно как самого содержания понятия революции применительно к экономической науке, так и характера изменений, происшедших в 70-е годы XIX в., а также относительно закономерностей процесса роста экономического знания в целом. Но как бы ни оценивать этот процесс и как бы ни относиться к идее революционных скачков в экономической науке, нельзя не признать, что Вальрас осуществил прорыв, благодаря которому сформировались современные представления о том, что такое экономическая Теория.

«Элементы чистой политической экономии» — это абстрактная теория, исследующая общественное богатство, которое определяется как совокупность благ, обладающих пользой (полезностью) и ограниченных количественно, с точки зрения меновой стоимости, т.е. того, какое влияние на него оказывают сделки, осуществляемые экономическими субъектами, максимизирующими свою выгоду в условиях совершенной конкуренции. Центральной проблемой этой теории является определение текущих цен, а также законов спроса и предложения.

Признание стремления к большей пользе, а также факта ограниченности ресурсов естественными феноменами, определяющими поведение экономических субъектов, позволяет говорить об объективном характере экономической теории, подобной физико-математическим дисциплинам. Для такой тео-

рии математический метод — это не средство иллюстрации, а универсальный язык, неразрывно связанный с характером мышления (заметим, математическое мышление Вальраса — черта, отличающая его от гуманитарного типа мышления многих других участников маржиналистской революции, прежде всего представителей австрийской школы).

Все здание теории Вальраса построено на основе двух основополагающих гипотез — максимума удовлетворения, или полезности, и равенства спроса и предложения для всех товаров. Эти гипотезы определяют и предмет анализа — состояние равновесия, причем, если первая задает равновесие как состояние каждого отдельного экономического субъекта, то вторая фиксирует равновесие как состояние системы взаимодействующих субъектов в целом.

Логическая стройность и математическая строгость, отличающие теорию Вальраса, естественные для математиков, но отнюдь не характерные для экономистов, вызвали восхищение многих поколений экономистов. Не случайно Шумпетер сравнил систему общего равновесия с достижениями теоретической физики, а ее автора назвал величайшим экономистом-теоретиком — оценка, которая, однако, если и не была прямо поставлена под сомнение, подвергалась некоторой девальвации. Восхищение по поводу строгости и стройности изложения часто сопровождалось и сопровождается чем-то вроде упреков в излишнем внимании к форме в ущерб содержанию. Так, в классическом труде Б. Селегмена параграф, посвященный Вальрасу, называется «Леон Вальрас — величайший экономист?»². Оценивая вклад Вальраса, М. Блауг отмечал, что во многих пунктах его теория «бедна содержанием: он уделял слишком большое внимание форме»³. О неоднозначной оценке вклада Вальраса в области содержательного анализа можно прочесть и у других авторов⁴.

В конечном счете подобная неоднозначность оценок связана с существованием нерешенных методологических проблем экономической науки, касающихся ее содержания и предмета, соотношения теоретического и практического анализа и т.д.. В нескончаемых методологических спорах проявилось противоречивое стремление экономистов, с одной стороны, удовлетворять требованиям, предъявляемым к естественным наукам и уже более столетия воспринимаемым как свидетельство принадлежности к научному знанию вообще, а с другой, — не отрывать от социально-экономического контекста. Сам Вальрас осознавал эту проблему, но, по-видимому, не считал ее неразрешимой.

Он рассматривал все экономическое знание как состоящее из собственно научного знания, или чистой науки, имеющей дело с природными фактами, а также из имеющих дело с проявлениями воли прикладной науки, или искусства, и науки о морали. Подобной структуре знания соответствовали и критерии его оценки — соответственно, истина, польза, справедливость. Природные факты — редкость благ и их полезность, а также стремление индивидов к максимизации полезности определяли область теории меновой стоимости. Факты, в которых проявляются технические операции в сочетании с социальными, определяют область прикладной науки — теорию организации индустрии. Факты, являющиеся проявлением чисто гуманитарных актов, имеющих своим началом волю (причем, подчеркивал Вальрас, не волю отдельного человека, а «коллективную деятельность всего человечества в целом», которая и совершен-

ет присвоение), составляют область морали, в рамках которой дается ответ на вопрос о хорошем, т.е. отвечающем представлениям о справедливости, способе присвоения.

Стремление найти надежный инструмент решения сложных проблем, таким образом, не только не исключало, а предполагало разграничение собственно науки, искусства и морали. В период господства позитивизма подобная позиция не являлась чем-то новым или неожиданным, более того она опиралась на идеи такого авторитетного философа и экономиста, как Дж.С. Милль, была созвучна идеям К. Менгера, пожалуй наиболее последовательно была сформулирована в известной работе Невила Кейнса⁵.

Свойственное Вальрасу стремлением к упорядоченности проявилось и в структуре того, что условно можно назвать всеобщей экономической наукой. Последняя наряду с «Элементами» включала «Исследование в области прикладной политической экономии, или теорию производства общественного богатства» и «Исследование в области социальной экономии, или теорию распределения общественного богатства». Если первая работа анализировала общественное богатство с точки зрения меновой стоимости, то две последние, соответственно, — с точки зрения промышленности и с точки зрения собственности. Обе эти работы по замыслу Вальраса должны были быть равнозначными «Элементам» и вместе с ними составлять общую экономическую теорию. Но осуществить свой замысел в полной мере Вальрасу не удалось. Они представляют собой сборники статей по отдельным вопросам в рамках указанной проблематики, и их присоединение к «Элементам» не создает столь же целостной концепции, какую в рамках своей задачи предлагали последние. И этот факт, хотя он и может быть следствием стечения обстоятельств, еще раз обращает нас к методологическим проблемам, и в связи с ними к вопросу о том, какие практические выводы можно сделать из «Элементов».

Речь идет прежде всего об отношении чистой теории Вальраса к доктрине *laissez faire*, и в частности о том, можно ли и если да, то в каких пределах, придавать нормативное содержание выводу Вальраса о том, что система свободной конкуренции обеспечивает достижение максимума полезности всех товаров и услуг для всех участников. В уроке 22 Вальрас достаточно ясно дает положительный ответ на этот вопрос. Но при этом он подчеркивает, что поскольку полученный им вывод был сделан только для экономики, в которой производятся и обмениваются блага, представляющие частный интерес, то тем самым задаются и рамки его нормативного применения. Таким образом можно сказать, что границы нормативной трактовки вывода чистой теории Вальрас поставил в зависимость от того, в какой мере экономика представляет собой систему, в которой действуют исключительно частные интересы. Подобную позицию можно было бы считать простым уходом от ответа в область определений, если бы Вальрас в «Элементах» не указал области, где действуют общественные интересы, а в «Исследованиях» не показывал, как решать проблемы общественного богатства в соответствующих областях.

По-видимому, именно более широкий контекст рассмотрения теории Вальраса позволил У. Жаффе предположить что Вальрас стремился не столько к позитивному анализу экономики совершенной конкуренции, сколько к разра-

ботке основ политики, которая позволит приблизить мир к идеальной модели. Что касается его чистой теории, или экономической теории частных интересов, то признавая ее нормативное содержание, мы тем самым признаем ее предшественницей экономической теории благосостояния (эквивалентность конкурентного равновесия оптимуму по Парето, доказанная К. Эрроу и Ж. Дебре, это подтверждает).

Мир Вальраса — это идеальный мир, причем не только в том смысле, что движущей силой в нем являются частные интересы и соблюдаются условия совершенной конкуренции, но и потому, что предполагаются неизменными предпочтения индивидов и производственные характеристики фирм, а также то, что сделки заключаются только после определения равновесных цен и количеств (через механизм заявок — чеков, или талонов). Иными словами, этот идеальный мир статичен. Почти вся работа Вальраса — это рассмотрение механизма обращения и производства со статической точки зрения, ограниченность которой была для Вальраса очевидна.

Лишь в VI разделе (там, где он обращается к проблемам денежного обращения — что вполне логично) он предпринимает некоторые шаги в направлении динамического рассмотрения, а в действительности, — сравнительной статистики. Для него статическое равновесие — это равновесие фиксированное (соответствующе заданным исходным условиям), а динамическое — подвижное, представляющее собой равновесие, которое достигается после постоянного нарушения равновесия вследствие изменения исходных условий. Очевидно, что сравнительная статика — это весьма специфический и упрощенный вариант динамики.

Проблема в конечном счете в том, можно ли, совершенствуя и усложняя модель Вальраса, сделать ее динамической (при некотором представлении о том, что такое динамическая экономическая система). Эта проблема во всей ее многогранности стала одной из главных интриг в развитии экономической теории в XX в. Огромное влияние, которое на развитие экономической науки оказала теория Вальраса, выразилось в том, что современная экономическая наука, во всяком случае в той ее части, которая удерживает лидирующие позиции как в области научных исследований, так и образования, рассматривает экономические явления и процессы сквозь призму статистики и равновесия. При этом уже в течение ста лет в различной форме высказывается точка зрения, что несмотря на все усовершенствования, равновесный подход не является адекватным методом экономического анализа тех систем, само существование которых связано с появлением и распространением нового, а именно таковой является рыночная система.

Одним из первых эту точку зрения высказал Т.Веблен, ее разделял Ф.Хайек, сегодня отстаивают представители некоторых новейших направлений анализа, увидевшие подтверждение подобной точки зрения в результатах трансформационного эксперимента. Несмотря на это, теория общего равновесия сохраняет свое значение, подтверждая простую истину, что блестяще решенная ограниченная или даже узкая задача может открывать такие аналитические возможности, которые не всегда дает решение более широкой и сложной задачи. Не случайно так богата аналитическими достижениями вся история теории равновесия.

Первый прорыв был сделан в середине 30-х годов, когда А.Вальд в серии статей предложил формальное доказательство существования экономически значимого решения для некоторого варианта модели Вальраса (сам Вальрас эту проблему заметно упрощал, ограничиваясь лишь указанием на равенство числа уравнений и неизвестных). Чуть позже Дж. фон Нейман доказал существование траектории равновесного роста для двухпродуктовой модели, Дж.Хикс, П.Самуэльсон, а потом М.Алле сформулировали необходимые и достаточные условия единственности и устойчивости решения.

Новый взлет теории общего равновесия пришелся на 50-е годы и был связан прежде всего с работами К.Эрроу и Ж.Дебре, в которых были обобщены и дополнены полученные ранее результаты, касающиеся существования равновесия в модели типа Вальраса, были доказаны теоремы, устанавливающие эквивалентность конкурентного равновесия и оптимума по Парето, заложены основы многих последующих разработок. Оригинальные подходы к динамическому анализу, предполагавшие введение понятия межвременного равновесия, рассмотрение фактора неопределенности, включая неопределенность, порожденную психологическими особенностями взаимодействующих субъектов, а также фактора информации, включая объем и качество сведений, способность людей их воспринимать и использовать; введение понятия временного равновесия, когда в центре внимания оказывается взаимодействие между ожидаемыми и фактическими значениями переменных и т.д.; переход — на основе взаимодействия с теорией игр — к исследованию систем с небольшим числом участников, т.е. выход за пределы, обозначенные предпосылкой о совершенной конкуренции; обращение к анализу неравновесных процессов (что предполагало отказ от основополагающей предпосылки Вальраса о «расчистке», т.е. возможность сделок по неравновесным ценам (например, модели с рационированием) — вот далеко неполный перечень современных направлений развития теории равновесия, истоки которых были заложены «Элементами» Вальраса.

По воле случая, а может быть, и Проведения настоящее издание оказалось приуроченным к юбилейным датам. В 2000 г. исполнилось 90 лет со дня смерти ее автора, а кроме того, можно сказать, что прошло 125 лет со времени ее первого издания. Подобный лаг в публикации этой выдающейся работы в России можно объяснить лишь крайне неблагоприятным стечением обстоятельств. Хотя в конце XIX — начале XX вв. (вплоть до середины 20-х годов) были оперативно переведены многие работы зарубежных экономистов, причем не только принадлежащих к влиятельным в России марксизму или исторической школе, но и новейшим течениям (работы Е. Бем-Баверка, К. Менгера, Л. Мизеса, Г. Касселя, К. Викселля), труды Л. Вальраса, В. Парето, Ф. Эджуорта и некоторых других оставались за рамками этого процесса. Более того, новейшие идеи западных экономистов, как правило, встречали весьма критическое, а часто и враждебное отношение со стороны российских экономистов. Сегодня ясно, что пророческим оказалось высказанное сто лет назад С.Л. Франком предупреждение, что подобное отношение к новейшим западным теориям со стороны российского научного сообщества может обернуться отставанием отечественной науки от мировой.

Вместе с тем, идеи маржинализма и принцип математизации экономи-

ческих исследований нашли отклик на русской почве. Достаточно назвать имена В.К. Дмитриева, Е.Е. Слуцкого, В.В. Леонтьева, Г.А. Фельдмана и некоторых других, чтобы понять, каким значительным потенциалом располагала российская экономико-математическая наука к началу 30-х годов, который отчасти проявился позже в работах Л.В. Кантаровича, С.Н. Немчинова, В.В. Новожилова и других советских экономистов.

Настоящее издание «Элементов» Вальраса обращает читателя к самим истокам современного экономического знания и тем самым помогает лучше понять его как сильные, так и слабые стороны.

Предлагаемый перевод сделан с 4-го издания «Элементов», которое вышло в 1900 г. Подробное предисловие автора избавляет от необходимости давать что-либо, типа путеводителя по книге: Вальрас сам объясняет ее структуру и логику. Вместе с тем в качестве некоторого общего предисловия о месте Вальраса в истории экономической науки мы посчитали возможным дать перевод статьи Й. Шумпетера, посвященной Вальрасу, которая впервые была напечатана в: *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung* (vol.XIX, 1910), а затем вошла в известную работу: J. Schumpeter «Ten Great Economists from Marx to Keynes» (1952).

Н. Макашева

Примечания

¹ Негиши Т. История экономической теории. М.: Аспект Пресс, 1995. С.282.

² Селегмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. Гл. IV.

³ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: «Дело», 1994. С. 539.

⁴ Так, в одном современном фундаментальном исследовании по истории экономической мысли в параграфе (в главе, посвященной Вальрасу), названном «Место в истории экономической науки» автор больше пишет о том, где и в чем вклад Вальраса ограничен, и завершает его фразой, что к упоминавшейся выше оценке Вальраса как величайшего экономиста следует относиться скорее как к литературному образу, чем точной оценке вклада Вальраса с содержательной точки зрения. «Но если его оценивать по вкладу в технику экономического моделирования, то он предстает фигурой возвышающейся над другими. И в этом смысле его можно назвать Рикардо эпохи математических расчетов» (Niehans J. A History of Economic Theory. The John Hopkins Univ. Press: Baltimore, L. P.220). О том, что Вальрас что-то не дал содержательному анализу косвенно свидетельствует и тот факт, что в статье, посвященной эволюции концепции равновесия, напечатанной в очень авторитетном издании «The New Palgrave: The World of Economics (Macmillan Press Ltd., 1987), Вальрас лишь упоминается.

⁵ Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. М, 1899.

⁶ *Eléments d'économie politique pure*, 4-е изд. (1-ое изд., 1874); *Etudes d'économie sociale*, 1896; *Etudes d'économie politique appliquée*, 1898.

Мари Эспри Леон Вальрас (1834-1910)

Когда мы сегодня оглядываемся на жизнь этого ученого, нас поражает скромное величие, определившее его беззаветное служение единственной цели. Внутренний стержень его жизни предстает перед нами как явление природы. Исключительная сосредоточенность на чистой экономической теории определяет ее смысл. И ничего больше. Ничего того, что могло бы нарушить целостность картины. Остальное кажется неважным, только это впечатляет нас. Медленно, но неотвратно, как будто бы демонстрируя свою весомость, результаты труда всей его жизни предстают перед нами.

Внешние события жизни Вальраса можно изложить очень коротко. Из автобиографии Вальраса я почерпнул сведения, достаточные для скромного обрамления картины, которая имеет столь большое историко-научное значение. Вальрас родился 16 декабря 1834 в г. Эвре в департаменте Эр. То, как он учился, свидетельствует об отсутствии у него склонности к практическим занятиям: он изучал Декарта и Ньютона при подготовке к поступлению в Политехническую школу, и естественно, провалился; не проявлял интереса к проторенным путям, и это характерно для всякого ищущего ума. Он безуспешно попытался учиться в Школе горного дела. Попробовал себя в журналистике, работал в различных компаниях. И все без успеха. Однако для нас важно то, что уже первая опубликованная в 1859 г. работа — в ней была предпринята попытка опровергнуть основные идеи Прудона — продемонстрировала его убежденность, что экономическая теория может быть изложена математически. И с этого момента он уже знал, чего хочет; с этого момента все его усилия были направлены на достижение одной цели. Метод, а не содержание проблем — в этом суть его работы. Он испытывал стремление идти в данном направлении, хотя и не сразу понял, насколько далеко он сможет продвинуться. При этом Вальрас был лишен необходимого окружения и общения — в своей автобиографии он с едкой горечью описывал атмосферу в научных кругах Франции, где ему так и не удалось стать своим.

Но тут вмешался случай и сослужил науке хорошую службу. В 1860 г. Вальрас принял участие в Конгрессе по налогам, состоявшемся в Лозанне. Дискуссии, которые там имели место, дали повод для его второй значительной публикации, а связи, которые он там установил, десять лет спустя способствовали его назначению руководителем вновь образованной кафедры экономической теории. И это имело большое значение как для науки, так и для самого Вальраса. И каж-

дый, кто по настоящему уважает Вальраса, будет глубоко тронут той частью его автобиографии, где он со всей серьезностью описывает, как ходил в префектуру получать разрешение покинуть страну (оно было необходимо из-за угрозы мобилизации) и как отправился в Лозанну «7 декабря 1870 г. из Кана через Анже, Пуатье, Мулен, Лион». По прибытии он приступил к работе и продолжал работать, пока задача его жизни не была выполнена и пока у него были силы.

В 1892 г. Вальрас ушел в отставку, но сохранял связь с Университетом как почетный профессор. Он продолжал работать в своей маленькой квартире в доме недалеко от Кларана, где и умер 4 января 1910 г.

Я хотел бы отметить только одно — тень, которую равнодушие к его работе бросило на последние тридцать лет его жизни. В этом мире судьба истины, так же как и красоты, печальна. А когда к тому же новым является сам подход («видение»), а не открытия и изобретения, которые могут вызвать интерес и найти понимание у широкой публики, когда «видение» слишком далеко от текущих интересов профессионального сообщества, как это было в случае с Вальрасом, тогда, очевидно, внешний успех не может быть достигнут ни легко, ни быстро. Если мы примем во внимание все это, то не останется места для разочарования относительно достигнутого, а возможно, мы будем удивлены не тому, что успех слишком мал, а тому, что он слишком значителен.

Вальрас основал школу, и главным образом через Маршалла его влияние вышло за ее пределы. Давно стало ясно, кого осудила Академия моральных и политических наук, когда отклонила его труд. Но и без фанфар влияние его работы расширялось и усиливалось. И хотя долго у Вальраса не было защитников, он все-таки застал то время, когда смог насладиться сознанием, что его идеи уже не нуждаются в защите и уже вышли за рамки научных изысканий. Но сам Вальрас представлял все это по-иному и никогда не избавился от воспоминаний о своей борьбе и неудачах. Его автобиография кончается горькими словами, и он, по-видимому, придавался горьким размышлениям — трагическая нота пронизывала всю его жизнь, внешне такую спокойную.

Празднование юбилея Вальраса весной 1909 г. было для него лучом солнца после дождя. Тогда проявились чувства симпатии и восхищения, о которых он не подозревал, а полученное признание оказалось большим, чем он мог когда-либо рассчитывать. Это был великий момент его жизни.

Заявкой Вальраса на бессмертие является теория экономического равновесия. Это великая теория, кристально ясная логика которой представляет структуру чисто экономических взаимосвязей, исходя из одного фундаментального принципа. На монументе, который Университет Лозанны воздвиг в его честь, совершенно справедливо нет никакой надписи, кроме *équilibre économique*. Разумеется, его фундаментальная идея имела многие важные практические следствия. Никто иной не выступал столь убежденно за национализацию земли, мало кто из занимавшихся денежной политикой может сравниться с Вальрасом. Но все это ничто по сравнению с тем знанием, которое он нам оставил. Все три тома, в которых он объединил важнейшие работы своей жизни, принадлежат к наиболее значительным книгам нашей науки, но *aere perennius* — это ход рассуждений, представленный в разделах II-VI первого тома.

Вальрас отталкивался от Курно. Но при этом скоро обнаружил, и об этом писал, что функция спроса Курно, которая задает величину спроса как функ-

цию цены, непосредственно может быть использована только при анализе обмена двух товаров и с оговорками, когда анализируется обмен более двух товаров. Сначала Вальрас ограничился рассмотрением первого случая и строго вывел функцию предложения одного товара из функции спроса на другой, затем, установив точку пересечения этих кривых, определил равновесные цены двух товаров. Из этих кривых, которые имеют отношение к общему количеству товаров на рынке, он вывел кривые индивидуального спроса и полезности для каждого экономического индивида и таким образом пришел к краеугольному камню своей системы — концепции предельной полезности. На этой стадии теория была опубликована в 1873 г., в последующие годы она совершенствовалась. То, что Вальрас получил результат, согласующийся с результатами Менгера и Джевонса, вызывает удивление из-за различий в отправных точках и методах. Фундаментальное значение имеет содержание сформулированных им простых теорем.

Непоколебимая логика рассуждений привела к тому, что обнаружился целый ряд проблем. Сначала в обмене более, чем двух товаров оказалось больше трудностей, чем неспециалист может себе представить. Затем Вальрас подошел к проблеме производства, присоединив к рынку с заданным количеством потребительских товаров, который он исследовал до того в отдельности, аналогичным образом устроенный рынок факторов производства. Эти рынки оказались связанными потому, что *entrepreneur faisant ni bénéfice ni perte* (предприниматель, не имеющий ни прибыли, ни убытков — прим. пер.), а также потому, что в условиях совершенной конкуренции и в ситуации равновесия общая сумма, полученная от всех продаж средств производства, должна быть равна общей сумме, полученной от продажи всех потребительских товаров. Если, с одной стороны, принять во внимание условие, что у каждого участника обмена полезность должна достигать максимума, а с другой, — что так называемые производственные коэффициенты определяются извне, теория взаимосвязанности «издержек» и «полезности», а вместе с ней и фундаментальный принцип, лежащий в основе экономических процессов, приводят к замечательному по своей простоте решению.

Вальрас обратился к проблеме капитализации, предположив, что некоторые продавцы производственных услуг сберегают и инвестируют сбережения в «новые капитальные блага», которые поступают на рынок, где на них существует спрос, в заданном количестве. Цена этих «новых капитальных товаров» определяется на основе ценности услуг, которые они оказывают. Эта цена в свою очередь образует основу для оценки стоимости «старых капитальных благ», что является решением проблемы капитализации, или определения капитализированной стоимости всех товаров. Этот подход не лишен пробелов. Но мы их замечаем только тогда, когда сравниваем его с тем, что предложил Бем-Баверк. Если подход Вальраса и содержит погрешности в некоторых пунктах, как это свойственно и другим более ранним теориям процента, то он отличается от последних в лучшую сторону во многих других отношениях. Теорию процента Вальраса, возможно, лучше сравнивать с теорией Рикардо, причем эти теории соотносятся одна с другой как здание с его фундаментом.

Из всех частей системы Вальраса теория денег претерпела наиболее значительные изменения прежде, чем стала одной из наиболее разработанной в со-

ответствующей области. Значительная часть того, что делал Вальрас между 1876 и 1899 гг., была посвящена теории денег. Хотя в первом издании «Элементов» он начинал с понятия «необходимого обращения» (*circulation a desservir*), позже он построил свою денежную теорию, основываясь на понятии индивидуальной потребности в средствах платежа (*encaisse désirée*). Разница существенная. Невозможно говорить о потребности экономики в средстве обращения так же, как мы говорим о потребности человека в хлебе. Однако желание индивида иметь средство платежа совершенно аналогично его желанию иметь хлеб; и это — как раз то, что может быть подведено под закон о снижающейся предельной полезности. Этот принцип был затем блестяще использован, и красивая теория определения цены денег была выведена из «уравнений обращения». Так как я не могу здесь вдаваться в детали, возможно, стоит заметить, что анализ Вальраса проблемы биметаллизма несколько не хуже классического и будет иметь важное значение в будущем.

Все здание чистой экономической теории базируется на двух предпосылках: каждая экономическая единица хочет максимизировать полезность; спрос и предложение равны для каждого товара. Все сформулированные теоремы являются следствиями этих предпосылок. Возможно, Эджуорт, Бароне и другие дополнили то, что сделал Вальрас; возможно, Парето и другие в отдельных моментах пошли дальше него, но это не умаляет значения его труда. Тот, кто имеет представление об истоках и характере точных естественных наук, знает также, что их великие достижения с точки зрения метода, а также и по существу, аналогичны достижениям Вальраса. Находить строгие формулы для феноменов, о взаимосвязанности которых мы знаем из опыта, выводить эти формулы одна из другой — это то, что делают физики, и то, что сделал Вальрас. Но Вальрас осуществил это в новой области, в которой не было веками созданного фундамента. Он проделал это быстро и получил положительные результаты. Он проделал это без помощи и без помощников, пока сам их не создал, без одобрения, за исключением того, которое он мог найти в самом себе. Он делал это, хотя знал, должен был знать, что он не может ожидать ни успеха у представителей своего поколения, ни признания экономистов или математиков. Он шел своей дорогой без моральной поддержки, которую и люди, занимающиеся практическими вопросами, и ученые обычно имеют. Таким образом в его портрете мы находим все черты, который отличают действительно творческий ум от того, который сам является продуктом творчества. И это совсем не мало для человека. И то, что он сделал, рано или позже будет признано.

Перевод Н. Макашевой

Предисловие к четвертому изданию

Четвертое издание «*Элементов чистой политической экономии*» является окончательным¹. В июне 1874 г. я предпослал первому изданию следующие строки, которые хочу воспроизвести:

«Я обязан просвещенной инициативе Государственного совета кантона Во, учредившего в 1870 г. кафедру политической экономии на юридическом факультете Лозаннской академии и объявившего конкурс на замещение вакансий; я обязан в особенности доброжелательному доверию г-на Луи Рюшонне, главы департамента народного образования и культов, члена Национального совета Швейцарии, который, пригласив меня участвовать в конкурсе на получение кафедры, не прекращал — с тех пор, как я ее занимаю, — оказывать мне поддержку с тем, чтобы я мог начать публикацию составленного по новому плану и разработанного по оригинальному методу элементарного трактата по политической и общественной экономии, выводы которого, должен сказать, также будут отличаться — в ряде пунктов — от выводов современной науки.

Данный трактат будет включать три части по одному тому, публикуемому двумя выпусками; эти части будут следующими.

Часть первая: Элементы чистой политической экономии, или *Теория общественного богатства*.

Раздел I. Предмет и подразделения политической и общественной экономии. — Раздел II. Математическая теория обмена. — Раздел III. О денежном обращении и деньгах. — Раздел IV. Естественная теория производства и потребления богатства. — Раздел V. Условия и следствия экономического прогресса. — Раздел VI. Естественные и необходимые последствия различных способов экономической организации общества.

Часть вторая: Элементы прикладной политической экономии, или *Теория производства богатства в сельском хозяйстве, индустрии и торговле*.

Часть третья: Элементы общественной экономии, или *Теория распределения богатства через собственность и налоги*².

Сегодня выходит в свет первый выпуск первого тома. Он содержит математическое решение задачи определения текущих цен, а также научную формулировку закона предложения и спроса в случае обмена некоторого числа товаров между собой. Думаю, что использованные здесь обозначения покажутся вначале несколько сложными, но я прошу читателя не обескураживаться в связи с этой сложностью, которая присуща теме и которая, впрочем, составляет единствен-

ную математическую трудность. Как только понята система этих обозначений, тем самым становится понятной как бы сама собой и система экономических явлений.

Этот полумот был полностью написан и почти полностью напечатан, а о принципе излагаемой в нем теории я доложил в Академии моральных и политических наук в Париже³, когда месяц назад я узнал о работе на ту же тему У. Стэнли Джевонса, профессора политической экономии в Манчестере, под названием «*The Theory of Political Economy*» (Теория политической экономии), опубликованной в 1871 г. в Лондоне издательством «Макмиллан и К^о». Этот автор применяет, как и я, математический анализ к чистой политической экономии, в частности к теории обмена; и — что действительно замечательно — он основывает это применение на базовой формуле, названной им *уравнением обмена* и являющейся строго идентичной той, что служит мне исходным пунктом и которую я называю *условием максимального удовлетворения*.

Г-н Джевонс уделил особое внимание общему и философскому изложению нового метода, разработке основ его приложения к теории *обмена* и теориям *труда, ренты и капитала*. Что касается меня, то я стремился в данном полумоте дать прежде всего углубленное изложение *математической теории обмена*. Вот почему я могу вернуть, как и должен это сделать, г-ну Джевонсу приоритет в разработке его формулы, сохраняя за собой права на некоторые важные заключения. Я не буду перечислять эти пункты — компетентная публика вполне сумеет их узнать. Да будет мне позволено сказать, что работы г-на Джевонса и моя не только не вредят друг другу, а подтверждают, дополняют друг друга и в значительной степени подкрепляют одна другую. Таково мое твердое убеждение, и я доказываю его, горячо рекомендуя прекрасную книгу выдающегося английского экономиста всем тем, кто не знал о ней».

Вторая часть первого издания появилась в 1877 г. В ней я излагал теорию определения цен на производительные услуги (заработную плату, арендную плату и процент) и теорию определения нормы чистого дохода — теории, весьма отличные от теорий Джевонса⁴.

В 1879 г. Джевонс, бывший в то время профессором университетского колледжа в Лондоне, опубликовал второе издание своей «*The Theory of Political Economy*» и в предисловии к этому изданию (стр. XXXV–XLII) он отдавал частично приоритет в разработке исходного пункта математической политической экономии немцу Госсену, приоритет, который я признавал, как было сказано выше, за ним самим. Я посвятил Госсену статью под названием «*Неизвестный экономист. Герман Генрих Госсен*», опубликованную в «Журнале дез экономист» (*Journal des Economistes*) в апреле и мае 1885 г. В ней я привел данные о его жизни и работах и попытался отметить то, что оставалось собственно моим в новой теории после трудов двух моих предшественников⁵. В этом томе в конце урока 16 читатель найдет параграф, в котором я возвращаюсь к данному вопросу. В нем отмечено, что важность учета редкости для обмена была также понята и подчеркнута в 1872 г. — независимо от нас троих — Карлом Менгером, профессором политической экономии Венского университета.

Я признаю приоритет Госсена в том, что касается кривой полезности, и Джевонса в том, что касается уравнения максимальной полезности в процессе обмена, но я заимствовал эти концепции не у них. Нет, базовыми принципами

своей экономической доктрины я обязан своему отцу, Огюсту Вальрасу, а применением функций при изложении этой доктрины — Огюстену Курно. Я заявлял об этом уже в своих первых эссе и с тех пор заявляю при любом удобном случае. Здесь мне хотелось бы объяснить, как эта доктрина уточнялась, развивалась и дополнялась в ходе последовательных изданий настоящей работы.

Решение уравнений обмена, производства, капитализации и кредита я оставил в целом в том же виде, внося улучшения в некоторые детали.

Что касается обмена, я добавил к элементарному доказательству теоремы *максимальной полезности товаров*⁶: 1) доказательство, относящееся к случаю непрерывных кривых полезности, в соответствии с общепринятыми обозначениями при анализе бесконечно малых величин, что было необходимо для следующего доказательства теоремы *максимальной полезности новых капиталов*; 2) доказательство, относящееся к случаю дискретных кривых.

Что касается производства, то я сделал предположение о предварительном процессе «нащупывания» с целью установления равновесия, но процессе, происходящем не реально, а гипотетически — *по чекам (талонам)*, и в дальнейшем я сохранил эту гипотезу.

Что касается капитализации, то я логически вывел функцию сбережений из уравнений обмена и максимального удовлетворения вместо того, чтобы полагать ее эмпирически; и я установил — в новой теореме, — что условие равенства нормы чистого дохода является также условием максимальной полезности для новых капиталов. Когда я публиковал первое издание, то из двух задач максимальной полезности, относящихся к услугам новых капиталов, я видел лишь одну: задачу, которая встает — если предположить, что количества капиталов заданы самой природой вещей или же определены наугад, — относительно распределения индивидом своего дохода между разными видами потребностей, которую я называю задачей *максимальной полезности товаров* и которая решается математически через пропорциональность редкостей ценам услуг капиталов. Но при подготовке второго издания я заметил и другую задачу — ту, что встает, когда надо определить количества новых капиталов с целью достижения максимума действительной полезности их услуг, — относительно распределения в обществе избытка его дохода над его потреблением между разными видами капитализации, задачу, которую я назвал задачей *максимальной полезности новых капиталов* и которая решается математически через пропорциональность редкостей ценам самих капиталов; откуда следует, что двойной максимум имеет место как пропорциональность цен услуг ценам капиталов; это и стало (при одном ограничении) результатом, к которому приводит свободная конкуренция.

Но главным образом мной была полностью изменена теория денег, что явилось результатом исследований, проведенных в 1876–1899 гг. по этому вопросу⁷. В первом и втором изданиях раздел о деньгах состоял из части о чистой теории и части о прикладной теории; но, поскольку последняя отсутствует в третьем и четвертом изданиях, я буду говорить лишь о принципе этой теории, т.е. о решении задачи стоимости денег. В первом издании это решение основывалось на рассмотрении «обращения, которое нуждается в обслуживании», заимствованного у экономистов. Со второго издания оно опиралось на учет «желаемой личности» — понятии, использованном мной в моей *«Теории денег»*. Однако во

втором и третьем изданиях, как и в первом, уравнение равенства между предложением и спросом на деньги всегда полагалось отдельно и эмпирически. В настоящем издании оно выводится логическим путем из уравнений обмена и максимального удовлетворения одновременно с уравнениями равенства между предложением оборотного капитала и спросом на него. При таком подходе *теория обращения и денег*, как и *теории обмена, производства, капитализации и кредита*, включает в себя постановку и решение соответствующей системы уравнений, а составляющие ее шесть уроков дают решение четвертой крупной задачи чистой экономии — задачи обращения.

Я несколько изменил число, порядок и названия разделов, чтобы лучше подчеркнуть последовательность этих крупных проблем. В частности, я поместил теорию обращения сразу же за теорией капитализации и после нее в специальный раздел поставил исследование *экономического прогресса и систем чистой политической экономии*. В этот последний раздел я поместил теорию *предельной производительности* или определение производственных коэффициентов, рассматриваемых уже в качестве неизвестных, а не как данные задачи.

Вследствие этих изменений содержание тома стало следующим:

Элементы чистой политической экономии, или *Теория общественного богатства*.

Раздел I. Предмет и подразделения политической и общественной экономии. — Раздел II. Теория обмена двух товаров между собой. — Раздел III. Теория обмена нескольких товаров между собой. — Раздел IV. Теория производства. — Раздел V. Теория капитализации и кредита. — Раздел VI. Теория обращения и денег. — Раздел VII. Условия и последствия экономического прогресса. Критика систем чистой политической экономии. — Раздел VIII. О тарифах, монополии и налогах.

Приложение I. Геометрическая теория определения цен. — Приложение II. Замечания о принципе теории цены г.г. Аушпица и Либена.

И однако данный том, измененный указанным образом, является, как я уже говорил, окончательным изданием тома 1874-1877 гг. Я подразумеваю под этим, что моя сегодняшняя доктрина осталась той же самой, что и доктрина того времени, такой, какой ее прекрасно поняли некоторые математики и в то же время экономисты. Она может быть кратко изложена следующим образом.

Чистая политическая экономия — это, по существу, теория определения цен при гипотетическом режиме абсолютной свободной конкуренции⁸. Совокупность всех вещей, материальных и нематериальных, способных иметь цену, поскольку они *редкие*, т.е. одновременно *полезные и количественно ограниченные*, образует *общественное богатство*. Вот почему чистая политическая экономия, по сути, есть *теория общественного богатства*.

Среди вещей, из которых состоит общественное богатство, следует различать *капиталы*, или же *блага длительного пользования* — вещи, используемые более одного раза, и *доходы*, или *блага разового пользования*, служащие один раз. Капиталы включают в себя *земли, личные способности и капиталы* в собственном смысле слова. Доходы включают в себя прежде всего *предметы потребления и сырые материалы*, чаще всего вещи материальные, но они включа-

ют в себя также — под названием *услуг* — последовательное использование капиталов, представляющее собой чаще всего вещи нематериальные. Услуги капиталов, имеющие прямую полезность, будут присоединяться к предметам потребления под названием *потребительских (потребляемых) услуг*, а услуги, имеющие только косвенную полезность, будут присоединяться к сырым материалам под названием *производительных услуг*. В этом, по моему разумению, ключ ко всей чистой политической экономии. Если не различаешь капиталы и доходы и, особенно, если не признаешь нематериальные услуги капиталов в составе общественного богатства наряду с материальными доходами, то закрываешь себе путь к какой угодно научной теории определения цен. Если же, напротив, признаешь предложенные различие и классификацию, то получаешь возможность последовательно определить: с помощью *теории обмена* — цены предметов потребления и потребляемых услуг, с помощью *теории производства* — цены сырых материалов и производительных услуг, с помощью *теории капитализации* — цены на основной капитал и с помощью *теории обращения* — цены оборотных капиталов. И вот каким путем.

Предположим сначала, что есть рынок, где продаются и покупаются, иначе говоря, обмениваются только предметы потребления и потребляемые услуги, при этом *продажа услуги* происходит через *аренду капитала*. После того как объявлены («выкрикнуты») наугад *цены*, или меновые отношения всех этих предметов или услуг к одному из них, принимаемому за *счетный товар* (*numeraire*)*, каждое обменивающееся лицо *предлагает* — по этим ценам — предметы или услуги, которые, как он считает, у него в относительном избытке, и *предъявляет спрос* на предметы или услуги, которых у него недостаточно для потребления на определенный период времени. После того как таким путем определились действительные объемы спроса и предложения для каждого товара, осуществляется *повышение* цены тех предметов, спрос на которые превышает предложение, и *понижение* цены предметов, чье предложение превышает спрос. При новых объявленных ценах каждый участник обмена предъявляет спрос и предлагает новые количества товара. И снова цены повышаются или понижаются, и так до тех пор, пока спрос и предложение по каждому предмету или услуге не будут равны. Тогда цены — это *текущие равновесные цены*, именно по ним и происходит обмен.

Мы ставим задачу производства, вводя в задачу обмена то обстоятельство, что предметы потребления являются продуктами, происходящими от соединения производительных услуг между собой или от приложения производительных услуг к сырым материалам. Чтобы учесть это обстоятельство, надо *земельным собственникам, работникам и капиталистам* — этим продавцам услуг и одновременно покупателям потребляемых услуг и предметов потребления, — противопоставить в качестве продавцов продуктов и покупателей производительных услуг или сырых материалов *предпринимателей*, чья цель — получить прибыль, преобразуя производительные услуги в продукты, т.е. в сырые материалы, которые они продают друг другу, и в предметы потребления, которые они продают земельным собственникам, работникам и капиталистам — тем потребителям, у кого они купили производительные услуги. Здесь, чтобы лучше понять суть явлений, можно представить себе два рынка вместо одного: *рынок услуг*, где эти услуги предлагаются исключительно земельными собствен-

никами, работниками и капиталистами, а спрос на услуги предъявляется: на потребляемые услуги — теми же земельными собственниками, работниками и капиталистами, на производительные услуги — предпринимателями; и *рынок продуктов*, где продукты предлагаются исключительно предпринимателями, а спрос предъявляется: на сырые материалы — теми же предпринимателями, на предметы потребления — земельными собственниками, работниками и капиталистами. На обоих рынках по ценам, «выкрикиваемым» наугад, земельные собственники, работники и капиталисты — потребители — предлагают услуги и запрашивают потребительские услуги и предметы потребления с тем, чтобы получить возможно большую величину полезности в течение определенного периода времени, а предприниматели-производители предлагают продукты и предъявляют спрос на производительные услуги или сырые материалы, поставляемые в течение этого же периода в соответствии с определенными производственными коэффициентами, выражаемыми в производительных услугах. Предприниматели увеличивают свое производство в случае превышения продажной цены продуктов над их себестоимостью в производительных услугах и, напротив, ограничивают его в случае превышения себестоимости продуктов в производительных услугах над их продажной ценой. На каждом рынке цена повышается в случае превышения спроса над предложением и понижается в случае превышения предложения над спросом. А текущие цены равновесия — это те, при которых спрос и предложение по каждой услуге или продукту равны и при которых, кроме того, *продажная цена* каждого продукта равна его *себестоимости*, исчисленной в производительных услугах.

Чтобы поставить задачу капитализации, следует ввести предположение о земельных собственниках, работниках и капиталистах, которые *сберегают*, т.е. которые, вместо того чтобы предъявлять спрос на потребительские услуги и предметы потребления в размере полной стоимости предлагаемых ими услуг, часть этой стоимости обращают в спрос на *новые капиталы* (по принятой ныне терминологии, капитальные блага или капитальные активы — прим. перев.). И этим создателем сбережений следует противопоставить предпринимателей, которые вместо производства сырых материалов или предметов потребления производят новые капиталы. Если даны, с одной стороны, определенная сумма сбережений, и, с другой, определенные количества произведенные новых капиталов, то эти сбережения и эти новые капиталы обмениваются друг на друга на *рынке новых капиталов* и в соответствии с механизмом торга (больше — меньше), пропорционально ценам потребительских услуг или же производительных услуг, ценам, определяемым согласно теориям обмена и производства. Отсюда — определенная норма дохода и определенная продажная цена каждого нового капитала, равная отношению цены его услуги к норме дохода. Предприниматели, производящие новые капиталы, равно как предприниматели-производители продуктов, увеличивают или же сужают свое производство в зависимости от того, продажная ли цена превышает себестоимость или же себестоимость превышает продажную цену.

Когда у нас есть норма дохода, мы имеем не только цену новых основных капиталов, но и цену старых основных капиталов — земель, личных способностей и уже существующих капиталов в собственном смысле слова — путем деления цены услуг этих старых капиталов (арендной платы, заработной платы

и процента) на эту норму. Остается только найти цену оборотных капиталов, а именно узнать, чем становятся все эти цены, когда счетный товар является в то же время деньгами. Это предмет задачи обращения и денег.

В данном, четвертом, издании мы увидим, как введение в рассмотрение желаемой денежной наличности (или, как вариант перевода, желаемых кассовых остатков — прим. перев.) позволило мне поставить и решить эту задачу, не выходя за рамки статической точки зрения, точно в тех же терминах и в той же манере, что и предыдущие. Для этого оказалось достаточным представить оборотные капиталы как капиталы, оказывающие *услугу по снабжению* — будь то *в натуре* или же *деньгами*, и вновь представить себе эти услуги как предлагаемые исключительно капиталистами и запрашиваемые либо в качестве *потребительских* услуг земельными собственниками, работниками и капиталистами с целью максимального удовлетворения, либо в качестве *производительных* услуг предпринимателями в соответствии с определенными производственными коэффициентами, относящимися к услугам по снабжению при производстве продуктов. Текущие цены этих снабженческих услуг определились тем самым как цены собственно услуг. А отсюда сами цены оборотных капиталов и денег определились как отношения цен снабженческих услуг к норме чистого дохода, а цена денег — именно в качестве денег — как обратная функция от их количества.

Но вся эта теория — теория математическая, а это значит, что, хотя она и может быть изложена обычным языком, ее доказательство должно быть математическим. Она целиком опирается на теорию обмена, а теория обмена целиком выражается — при состоянии равновесия рынка — в двойном факте: во-первых, факте получения каждым участником обмена максимума полезности и, во-вторых, в факте равенства объемов спроса и предложения по каждому товару для всех участников. Только математика может дать нам условие максимума полезности. Она позволяет сделать это, приписывая каждому обменивающемуся лицу — по каждому предмету потребления или потребляемой услуге — уравнение или кривую, выражающую *интенсивность последней удовлетворенной потребности*, или *редкость*, как убывающую функцию от *потребленного количества*, и показывая нам, как обменивающееся лицо может получить максимально возможную сумму удовлетворения своих потребностей, если — при определенных объявляемых («выкрикиваемых») ценах — он будет предъявлять спрос и предлагать товары в таких количествах, чтобы редкости этих товаров после обмена были пропорциональны их ценам. И только математика может позволить нам узнать, почему и как — в процессе не только обмена, но и производства, капитализации и обращения — мы приходим к равновесным текущим ценам, повышая цены услуг, продуктов и новых капиталов, спрос на которые превышает предложение, и понижая цены, если предложение превышает спрос. Мы делаем это с помощью математики, выводя сначала из функций редкости функции, выражающие *предложение* услуг и *спрос* на услуги, продукты и новые капиталы с целью максимального удовлетворения потребностей, и уравнения, выражающие равенство предложения и спроса на эти услуги, продукты и новые капиталы; затем объединяя эти уравнения с другими уравнениями, выражающими равенство продажной цены и себестоимости продуктов и новых капиталов и равенство нормы дохода для всех новых капита-

лов; и, наконец, показывая: 1) что таким образом поставленные задачи обмена, производства, капитализации и обращения являются задачами, имеющими решение, т.е. содержащими уравнения, число которых в точности равно числу неизвестных; 2) что механизм повышения и понижения цен на рынке в сочетании с фактом оттока предпринимателей из убыточных предприятий в прибыльные является не чем иным, как способом решения уравнений, содержащихся в этих задачах, путем нащупывания.

Такова система, изложение и доказательство которой я даю сегодня со всей возможной тщательностью и обстоятельностью, но это система, которую я уже излагал и доказывал в четырех первых исследованиях моей *«Математической теории общественного богатства»* в 1873-1876 гг. и в первом издании *«Элементов чистой политической экономии»* 1874 г. и 1877 г. Как только основа всей теории мне стала ясна, я счел своим долгом сообщить об этом в Академии моральных и политических наук в Париже; с этой целью я подготовил первое из указанных выше исследований и дал в нем решение задачи максимального удовлетворения потребностей каждого обменивающегося лица через пропорциональность интенсивностей последних удовлетворенных потребностей меновым стоимостям — для случая обмена в натуре двух товаров одного на другой, а также решение задачи определения соответствующих текущих цен двух товаров через повышение цены в случае превышения спроса над предложением и понижения в случае превышения предложения над спросом. Академия приняла это сообщение самым неблагоприятным и наименее ободряющим способом. Я рассердился за это на упомянутый научный корпус и, осмелюсь сказать, после двойного несчастья, когда он увенчал Канара и проигнорировал Курно, он сделал бы правильное — в собственных же интересах, — если бы более явно подтвердил свою компетенцию в данной области. Но что касается меня, то плохой прием Академии принес мне скорее удачу, ибо — как по содержанию, так и по форме — доктрина, к которой я пришел двадцать семь лет назад, проделала с тех пор значительный путь.

Все, кто в курсе дела, знают, что теория обмена, основанная на пропорциональности цены и *интенсивности последней удовлетворенной потребности*, *Final Degree of Utility* (конечной степени полезности), *Grenznutzen* (предельные полезности), теория, почти одновременно созданная Джевонсом, Менгером и мной и образующая фундамент всего здания, является научно признанной теорией в Англии, Австрии, США и других странах, где культивируется и преподается чистая экономия.

Но как только этот принцип теории обмена вошел в науку, то не мог со временем не войти в нее и принцип теории производства, и это действительно произошло. Во втором издании своей *«Теории политической экономии»* Джевонс признал то, что он не заметил в первом, а именно: с того момента как *Final Degree of Utility* определяет цену продуктов, она (степень) определяет тем же самым цену производительных услуг, или арендной платы, заработной платы и процента, поскольку при режиме свободной конкуренции продажная цена продуктов и их себестоимость в производительных услугах стремятся к равенству; и он ясно сказал в мае 1879 г. в конце предисловия ко второму изданию своей работы на десяти весьма любопытных страницах (стр. XLVIII-LVII), что

надо полностью перевернуть формулу английской школы, по меньшей мере школы Рикардо — Милля, определяя цену производительных услуг через цену продуктов вместо того, чтобы определять цену продуктов через цену производительных услуг. Это плодотворное замечание не было тотчас же воспринято в Англии — реакция против идей Джевонса здесь вначале протекала в пользу рикардианской теории издержек производства. Однако и австрийские экономисты, стихийно пришедшие к концепции *Grenznutzen* (предельных полезностей) в теории ценности и обмена, логически сделали из нее вывод для теории производства; они вводят между стоимостью *Produkte* (продуктов) и стоимостью *Productivmittel* (средств производства) в точности то же самое отношение, которое я ввожу между стоимостью продуктов и стоимостью сырых материалов и производительных услуг.

Наше согласие не является столь полным в части теории капитализации, по поводу которой г-н Менгер опубликовал свое исследование «*Zur Theorie des Kapitals*» (О теории капитала) в томе XVII ежегодника «*Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik*», а г. де Бем-Баверк, профессор из Инсбрука, дополнил его труд публикацией «*Kapital und Kapitalzins*» (Капитал и процент на капитал) (1884, 1889), где он выводит факт процента на капитал из разницы между ценностью блага, данного в настоящее время, и ценностью будущего блага⁹. Я должен определенно сказать, что здесь мы — Бем-Баверк и я — расходимся, и коротко объяснить, почему я не могу принять его теорию. Но я могу это сделать только с помощью математической формулировки этой теории или, по крайней мере, теории определения нормы процента, которую она предполагает¹⁰.

«Достаточно открыть первый попавшийся трактат о финансовых операциях, чтобы узнать, что вещь, которая стоила бы *A* при немедленной доставке, стоит в настоящее время только

$$A' = \frac{A}{(1+i)^n},$$

при годовой норме процента *i*, если она будет поставлена лишь через *n* лет. Но чтобы основывать на этой формуле экономическую теорию определения нормы процента, нужно сначала сказать нам, как определяется *A'*, и показать нам затем рынок, на котором *i* выводится из *A'* согласно данному уравнению. Я ищу этот рынок и не нахожу его. Вот почему я продолжаю (отвлекаясь от амортизации и страхования) выводить *i* из уравнения

$$\frac{D_K p_K + D_{K'} p_{K'} + D_{K''} p_{K''} + \dots}{i} = F_e(p_1 \dots p_p \dots p_K, p_{K'}, p_{K''} \dots p_b),$$

где $p_K, p_{K'}, p_{K''}$ — цены услуг новых капиталов (K), (K'), (K'')..., и определяются они теориями обмена и производства; $D_K, D_{K'}, D_{K''}$ ... — произведенные количества этих новых капиталов, и определяются они условием равенства их продажных цен и их себестоимости, т. е. единицей нормы дохода, которая является также условием их максимальной полезности; где, наконец, $F_e(p_1 \dots p_p \dots p_K, p_{K'}, p_{K''} \dots p_b, p_c, p_d \dots i)$ — сумма сбережений, и определяется она путем сравнения,

проводимого каждым создателем сбережений по поводу полезности, которую соответственно представляют для него — по текущим ценам услуг и продуктов: l — для непосредственного, текущего потребления или i — для потребления из года в год. Первая часть уравнения представляет собой предложение новых капиталов в счетном товаре и является, разумеется, убывающей функцией от i . Вторая часть представляет собой спрос на новые капиталы в счетном товаре со стороны или самих создателей сбережений, или предпринимателей, которые позаимствовали данные сбережения в форме денежного капитала (*capital monnaie*), и является последовательно возрастающей и затем убывающей функцией от i . Приведем обе части уравнения к равенству, повышая или понижая цены новых капиталов путем понижения или повышения i в зависимости от того, спрос больше предложения или же предложение больше спроса. Каждый внимательный читатель увидит здесь именно то, что происходит на биржевом рынке, когда новые капиталы, представленные их титулами собственности, обмениваются на сбережения пропорционально доходам на них в соответствии с механизмом повышения и понижения, и согласится с тем, что моя теория капитализации, опирающаяся целиком — повторяю это — на предшествующие теории обмена и производства, является тем, чем и должна быть теория данного рода: абстрактным выражением и рациональным объяснением явлений реальности. Да будет мне позволено здесь заметить, насколько моя теорема максимальной полезности новых капиталов подтверждает всю мою систему чистой политической экономии. Признать, что общество получает выигрыш в полезности, изымая капитал оттуда, где он дает меньший процент, и направляя его туда, где процент больше, — это, разумеется, не весть какое большое открытие. Но мне представляется, что тот факт, что дано математическое доказательство столь достоверной и даже столь очевидной вещи, является подтверждением в пользу определений и анализа, с помощью которых мы к этому приходим».

Математики смогут судить об этом, и уже сегодня среди них есть те, на суд которых я готов отдать свое дело. Теории Джевонса и моя вскоре после их появления были переведены на итальянский язык, равно как более ранние попытки Вевеля (Whewell) и Курно (Cournot). Затем в Германии к уже известным работам Тюнена (Thunen) и Мангольдта (Mangoldt) прибавилась работа Госсена, прошедшая сначала незамеченной. С тех пор в Германии, Австрии, Англии, Италии, Соединенных Штатах появилось значительное количество работ по математической экономике¹¹. Формирующаяся таким путем школа вполне сумеет различить среди всех систем ту, что должна составить науку. Что же касается экономистов, которые — не зная математики, не зная даже точно, в чем состоит математика — решили, что последняя не может служить выяснению экономических принципов, — то они могут идти своей дорогой, повторяя, что «человеческая свобода не может быть вставлена в уравнения» или что «математика абстрагируется от трений, которые составляют все в моральных науках», и другие столь же «сильные» любезности. Они не смогут сделать так, чтобы теория определения цен в условиях свободной конкуренции не была теорией математической, но поэтому они всегда будут стоять перед альтернативой: или избегать этой дисциплины и разрабатывать прикладную политическую экономию, не разработав чистую политическую экономию, или же прини-

маться за нее, не имея на то необходимых средств, но тогда будет и крайне плохая чистая политическая экономия, и крайне плохая математика. В уроке 40 читатель найдет образчики этих теорий, являющихся математическими, как и наши, но чья единственная разница с нашими состоит в том, что мы всегда стремимся иметь в наших задачах столько уравнений, сколько неизвестных, в то время как эти господа то определяют одно и то же неизвестное с помощью двух уравнений, то используют одно уравнение для определения двух, трех и четырех неизвестных. И, надеюсь, можно сомневаться в том, чтобы подобный метод мог до бесконечности противопоставляться тому, на основе которого стремятся создать чистую политическую экономию как точную науку.

Впрочем, будет ли это сделано немного раньше или немного позже, это уже не наше дело, и оно не должно заботить нас. В настоящее время очевидно, что политическая экономия, как астрономия, как механика, — наука одновременно экспериментальная и рациональная. И нельзя ее упрекать в том, что она слишком долго приобретала вторую черту. Астрономии Кеплера и механике Галилея потребовалось сто пятьдесят и двести лет, чтобы стать астрономией Ньютона и Лапласа и механикой Даламбера и Лагранжа. Однако прошло менее века между появлением работы А. Смита и попытками Курно, Госсена, Джевонса и моей. Мы были, следовательно, на своем посту, и свою задачу мы выполнили. И если Франция XIX столетия, ставшая свидетельницей рождения новой науки, осталась к ней полностью безучастной, это объясняется таким отмеченным буржуазной ограниченностью взглядом на интеллектуальную культуру, в силу которого она разделилась на две разные зоны: в одной “производятся” счетчики, лишенные философских, моральных, исторических, экономических знаний, в другой процветают эрудиты, не имеющие никакого математического понятия. XX век, который недалек, даст почувствовать потребность, даже во Франции, в том, чтобы передать общественные науки в руки людей общей культуры, умеющих владеть одновременно индукцией и дедукцией, рассуждением и экспериментом. И тогда математическая экономика займет свое место рядом с математическими астрономией и механикой; и в этот день справедливость будет отдана и нам.

Л. В.

Лозанна, июнь 1900 г.

Примечания

¹ Отложив в сторону оттиски для возможного изготовления клише данного тома, я ввожу в них, наряду с небольшой необходимой правкой, только два примечания (на стр. 376 и 414), датированные тем же временем, что и издание (1902 г.).

² Вторая и третья части были заменены двумя томами: «Этюды по общественной экономике» (1896) и «Этюды по прикладной политической экономике» (1898); я должен был сделать это, чтобы более или менее завершить свой труд.

³ См. Отчет о заседаниях и работах Академии, номер за январь 1874 г. или «Journal des Economistes», номера за апрель и июнь 1874 г.

⁴ Первая часть первого издания «Элементов чистой политической экономики» была кратко изложена в двух научных докладах, озаглавленных «Принцип математической

теории обмена» и «Уравнения обмена», с одним из которых я выступил в Академии моральных и политических наук в Париже в августе 1873 г., а с другим — в Обществе естественных наук кантона Во в Лозанне в декабре 1875 г. Вторая часть была изложена до ее опубликования в двух докладах, озаглавленных «Уравнения производства» и «Уравнения капитализации и кредита», представленных Обществу естественных наук кантона Во, первый в январе и феврале, второй — в июле 1876 г. Эти четыре доклада были переведены на итальянский язык под названием «Математическая теория общественного богатства» (Biblioteca dell'Economista, 1878) и на немецкий под названием «Mathematische Theorie der Preisbestimmung der wirtschaftlichen Guter» (Stuttgart, Verlag von Ferdinand Enke, 1881).

⁵ Эта статья опубликована в «Этюдах по общественной экономии».

⁶ Примечание посвящено уточнению орфографии слова «максимальный» на французском языке.

⁷ Одни из этих исследований относятся к чистой теории, а именно: «Замечание о легальном соотношении 15 $\frac{1}{2}$ », «Математическая теория биметаллизма», «О фиксированности стоимости денежного эталона» («Journal des Economistes», декабрь 1876, май 1881, октябрь 1882), «Уравнения обращения» (Bulletin de la Soci  t   vaudoise des sciences naturelles, 1899) — они представлены в данном томе. Другие, в частности, «О методе регуляризации вариации стоимости денег» (1885), «Теория денег» (1886), «Денежная задача» (1887-1895), относящиеся к прикладной теории, помещены в «Этюды по прикладной политической экономии».

⁸ Под режимом свободной конкуренции надо понимать возможность продавцов услуг сбавлять цену, а покупателей продуктов — набавлять. Что же касается свободной конкуренции предпринимателей, то она не является единственным способом привести продажную цену к уровню себестоимости, как объясняется в § 188, а прикладная политическая экономия должна задаться вопросом, является ли она всегда наилучшим способом.

⁹ Статья Менгера и книга Бем-Баверка были прекрасно проанализированы в «Revue d'Economie politique» (номера за ноябрь-декабрь 1888 г. и март-апрель 1889 г.).

¹⁰ Я привожу следующий абзац точно в том виде, как он представлен в предисловии ко второму изданию (май 1889 г.). Можно отметить, что, хотя в самой работе я полагал еще функцию сбережений эмпирически, я уже указал в этом предисловии способ представить ее рационально как сначала возрастающую и затем убывающую функцию от нормы чистого дохода.

¹¹ Список этих и предшествующих работ можно найти в библиографии «Bibliography of Mathematical Economies» (Библиография по математической экономике), которую проф. И. Фишер приводит в конце английского перевода работы Курно, выполненного Т. Н. Бэконом, вышедшего в свет в американской серии «Экономическая классика» (Economic Classics) в 1897 г.